

ЦЕРКОВЬ И ДЕТИ:

поиск новых путей церковной работы с подрастающим поколением в современных условиях

Петр (Мещеринов), игум.

Православная Церковь, вне всякого сомнения, утверждает значимость, реальность детской духовной жизни в своем самом существенном действии – крещении и миропомазании младенцев, делая таким образом маленьких детей полноправными членами Церкви и допуская их к Причастию Святых Тайн, то есть к самой сердцевине и сущности жизни в Церкви. С определённого возраста Церковь призывает детей к Таинству покаяния, то есть признает в них возможность личного нравственного совершенствования. Но духовная жизнь детей зависит от тех условий, в которых дети находятся. Принятые Таинства диктуют необходимость церковного воспитания детей, воцерковления их жизни.

В древности Церковь не ставила каких-то специальных, особых задач в этой области. Воцерковление детей осуществлялось естественным образом, всем традиционным укладом семейной и церковно-общественной жизни. Ныне этого нет, и перед Церковью, то есть перед нами встала задача – как воспитать детей христианами в условиях не только отсутствия христианского уклада человеческого существования, но наличия явных антихристианских начал в социуме, в котором Бог судил нам жить.

Сразу хочу сказать, что я имею в виду. Под антихристианскими началами я понимаю не полумифическую мировую закулису, козни "глобалистов" и прочие увлекательные вещи этого рода, занимающие сердца и умы многих православных. Антихристианские начала – это реальное жизненное безбожие большинства наших соотечественников, личная и общественная безнравственность, оценка жизни не с точки зрения Христова Евангелия, что приводит к большей или меньшей неадекватности. Всё это совершенно бытовые, окружающие нас и имеющие, увы, место и в нас самих явления, для объяснения которых нет никакой необходимости привлекать "теорию заговора".

Итак, именно на наши плечи свалилась задача осмыслить и осуществить на практике церковные христианские начала воспитания детей. В до-советское время это, всё с меньшим и меньшим успехом, выполнял традиционный уклад жизни; в коммунистический период нашей истории дети сознательно воспитывались атеистами (в свете чего, кстати сказать, совершенно непонятны апологетика и ностальгия по советскому прошлому у очень многих сегодняшних церковных людей. Объяснить эту тоску по СССР я могу лишь той самой неадекватностью, которая видится мне одним из реальных антихристианских начал, о чём я сказал выше)... Что дал нам опыт 15-летней свободной церковной деятельности?

Безусловно, многое было сделано. Достаточно назвать имена известных пастырей протоиерея Глеба Каледы и протоиерея Бориса Ничипорова, которые своей жизнью и своей церковной деятельностью во многом способствовали становлению работы с детьми. Необходимо упомянуть серьезнейшее наследие, доставшееся нам от русского зарубежья: труды Софии Сергеевны Куломзиной, протоиерея Василия Зеньковского и других

педагогов оказали большое влияние на современную церковную педагогическую практику.

Другой вопрос – как мы смогли распорядиться этим богатством? Приумножили или зарыли в землю?

В основном, на мой взгляд, этот период времени высветил ошибки. Это нормально – у Церкви не было самостоятельного опыта воспитания детей христианами в агрессивной антихристианской среде, и за 15 лет навёрстать 1700 лет, разумеется, невозможно. Это и очень важно – осознав ошибки, мы можем увидеть, как их исправить. Когда я говорю про такое, в общем-то, негативное положение вещей, я имею в виду отсутствие общецерковной системной концепции и общецерковного же опыта; на уровне частном есть многие положительные результаты, в том числе и у нас в ЦДРМ; но это – удел энтузиастов, между которыми к тому же нет идеологического единства по вопросам, касающимся их деятельности. Об энтузиастах – позже, а пока я отмечу некоторые тезисы, извлечённые из вот этих наших системных ошибок.

Одна из главных педагогических задач Православной Церкви сегодня – это научиться обращаться именно к детям. В Церкви нет детской проповеди; между тем, она сегодня необходима. Первое, основное, весьма насущное и нелегкое задание, стоящее перед христианским воспитателем – пробудить в ребенке ощущение реальности Бога. Другими словами, важно помочь ребенку узнать Бога, а не только узнать о Боге. Именно это ощущение реальности Бога почти совершенно отсутствует в современном обществе, в современных семьях. Это создаёт первую проблему – подмену христианского труда семьи внешней церковностью.

Многие родители уверены, что их дети могут познать Бога только в храме, в обряде, в ритуале; между тем это совсем не так. Детское религиозное восприятие существенно отличается от взрослого. Дети способны воспринимать Живого Бога непосредственно, они чувствуют Его всюду: в окружающим их прекрасном и удивительном мире, в детской сиюминутной радости жизни и т.д. Но самым ближайшим образом дети способны ощутить Бога в атмосфере мира и любви, которая окружает их. И тут-то вся "загвоздка": таковая атмосфера должна быть в семье. Мама и папа должны любить друг друга и своих детей; в семье должен быть мир; родители должны именно этим создавать условия, чтобы не мешать детям воспринимать Бога и духовную сферу жизни. Это делается вовсе не обрядом, не разговорами о Боге на "птичьем языке" (типа: смотри, Боженька-то тебя накажет), а исключительно примером жизни. Если для мамы и папы Христос – не нечто внешнее, не правило, не обязанность посещать храм, не кнут и пряник в попытках духовного воспитания, а самое дорогое, важное и ценное для самих себя, то дети без всяких слов воспримут Христа как Источника мира, добра и любви, которые есть в семье. Вообще всё так или иначе упирается в семью. Какие мы – такие и наши дети...

Здесь нужно отметить и очень важное обстоятельство, которое способствует обрядовому, механическому восприятию Церкви. Это формальный подход к причащению, когда детей стараются причащать как можно чаще, а родители вместе с ними не причащаются. Таким образом семья не создается как малая Церковь. Есть проблемы и с исповедями детей. Для

ребёнка главный авторитет – это родители, он не должен подменяться авторитетом духовника, а тем более противоречить ему, как это, бывает, случается.

Вторая ошибка – неучитывание специфики детского восприятия мира. Большинство современных православных родителей воцерковились сами в зрелом возрасте, через чтение книг, посещение храмов и монастырей, через "взрослое" по сути осмысление жизни, и т.д. У нас нет опыта собственного церковного детства, поэтому мы воцерковляем наших детей как маленьких взрослых. Но это ошибочно, потому что дети воспринимают мир по-другому. Их стихия – движение, игра, и – как я уже говорил – непосредственное восприятие мира, духовного в том числе. Детям трудно сосредоточиться на длительное время, или несколько часов неподвижно стоять на одном месте. Поэтому и к домашней молитве, и к храмовому богослужению у них совсем другое отношение, чем у взрослых. Дети знают и любят молитву, и склонны к ней; только у них она занимает несколько минут, больше они не могут сосредоточиться. И нужно научить детей, чтобы они в эти несколько минут именно молились, то есть обращали своё чистое сердце к Богу, а не механически читали детские молитвословы, изнывали на богослужении или ковыряли в носу, пока мама не прочтёт своё полуторачасовое правило.

Третья ошибка – стремление к геттообразности. Мир вокруг полон соблазнов, и естественное желание родителей – оградить детей от них. Но порой у нас ограждение от соблазнов превращается в маргинализацию, в отрыв от социума. Нужно готовить детей к жизни в нехристианском мире таким образом, чтобы они смогли быть солью земли (Мф. 5, 13), то есть чтобы они выросли порядочными, мужественными, активными людьми, владеющими современными технологиями, образованными, развитыми и умеющими не на уровне церковности только (от которой далеки большинство наших современников), но и на всех путях жизни противостоять злу и греху и свидетельствовать о Христе, чтобы люди видели их добрые дела и прославляли Отца их Небесного (Мф. 5, 16).

Что для этого нужно делать? Прежде всего совершенно неконструктивным представляется подход "запугивания", искания во всём бесовщины и козней врагов, погубляющих Святую Русь. В рамках этого взгляда современная светская культура считается излишней и даже вредной, потому что-де, она отвлекает от молитвы и всего церковного; плоды цивилизационного развития общества объявляются чуть ли не сатанизмом, готовящим приход антихриста, и т.д. В связи с этим детям запрещают общаться с нецерковными сверстниками ("растлят"), не подпускают их к компьютеру ("зомбирует"), и проч. А результат – дети вырастают не приспособленными к жизни, ибо, как не старайся, а из этого мира никуда не деться; серыми, необразованными, культурно и интеллектуально не развитыми. Не найдя своего места в социуме, они часто озлобляются, а иногда обвиняют в своём маргинальном положении Церковь, которая так совершенно не учит. Апостол Павел говорит: всё испытывайте, хорошего держитесь (1 Фесс. 5, 21); всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, 12). От тлетворного влияния мира сего, которое, безусловно, имеет место, невозможно убежать; ему можно лишь противостоять. И противостояние это должно осуществляться не только на уровне духовности, а и на культурном и социальном уровне. А для этого нужно вооружить детей соответствующим "багажом": развивать в них художественный эстетический вкус, приобщать их к классическому искусству, музыке, литературе, развивать творческие задатки ребёнка, – чтобы, столкнувшись с

доминирующей сегодня агрессивно-попсовой антиэстетической средой, наши дети имели некое культурное "противоядие", которое они могли бы противопоставить массовой псевдокультуре. Между прочим, и сама церковность совершенно неотделима от культуры; не будучи культурно воспитанным человеком, невозможно как должно воспринять ни то же Богослужение, ни церковные историю, письменность, искусство. Культура – не враг Церкви, а первый её союзник; великая европейская и отечественная культура по сути своей – явление христианское; и родители просто обязаны приобщать ей детей.

Я хочу особо подчеркнуть, что большим препятствием к этому является модное сейчас противопоставление русской культуры европейской. Это очень опасный подход. Если усматривать где-то "козни", то главная "кознь" мне видится здесь – в уничтожении европейской христианской культуры. Перед лицом полной дехристианизации мира мы, христиане, просто не имеем права не пользоваться таким союзником, каким является европейская культура. Именно она даёт человеку противоядие, прививку от массовой оглуляющей попсы. Особенно это существенно в деле воспитания детей. Шекспир, Данте, Бах, Моцарт, Рембрандт – это жизненная необходимость для культурного воспитания. Русская художественная культура не сможет восполнить отсечение этого единого пространства христианской мысли и эстетики. Да и с практической стороны – читать, например, Диккенса подростку в миллион раз важнее и нужнее, чем, скажем, Шмелёва. Диккенс развивает лучшие качества души и ненавязчиво учит христианской нравственности, а Шмелёв сводит православную церковность к лубочности и еде...

Очень важно, когда христианское воспитание совершается не в "лоб", не назидательно-дидактически, а жизненно, когда оно "встроено" в повседневную жизнь и деятельность ребёнка и подростка. Но для этого у Церкви должен быть опыт не мрачно поучать, предварительно запретив всё, чем живут сверстники поучаемого, а именно ненавязчиво, с любовью, примером являть христианскую систему ценностей. К сожалению, сегодня церковная педагогика предпочитает именно "рубить с плеча".

Два примера. Книжки, которые сегодня предлагаются детям – те же "Дети против волшебников", "Бабушкины очки" и проч. – навязчиво идеологичны. Это вообще не литература, это жалкий и недостойный кич – тупой, плоский и примитивно-дидактичный, способный оказать на детей, а особенно на подростков, обратное влияние.

Второй пример – ОПК. Несмотря на неоднократные заявления Патриарха, что это должен быть культурологический предмет, совершенно явно протаскивается в школы Закон Божий, причём в самом неудачном варианте. Я проанализировал несколько учебников и методических пособий – все они никакого отношения собственно к культуре не имеют, все они – переложение учебника Закона Божия протоиерея Серафима Слободского. Ученику 1-го класса предлагается за год усвоить средний семинарский курс по догматическому, сравнительному и литургическому богословию... к какому эффекту это может привести – учит (вернее, не учит) нас история. Именно это, на мой взгляд, вызывает недовольство общества, которое мы привычно интерпретируем кознями злых либералов...

Нужно сказать ещё пару слов о спорте. Спорт ныне заменяет физический труд, каким он был раньше (каким остается лишь в деревне): и те, кто вовсе не знают физического труда, и те, кто работают в нервно истощающих условиях современного производства, хоть и по-

разному, но находят в спорте радость освобождения от нервного утомления. Современными детьми и молодежью весьма востребованы различные борцовские и бойцовские секции, секции различных восточных боевых искусств. Совершенно очевидно, что при работе с мальчиками-подростками православным педагогам и родителям необходимо уделять внимание спортивной и силовой подготовке.

Но тут мы уже переходим от уровня индивидуального, семейного воспитания к церковно-общественному. Необходимы для детей спортивные секции, разные кружки и проч. Государство этим не занимается, и Церковь в лице многих церковных людей чувствует нравственную потребность взять это на себя. Но потребность эта не реализуется на общецерковном уровне. Мы не можем достойно откликнуться на общественный запрос. У нас можно перечесть по пальцам православных педагогов и тех, кто работает с детьми. Главная и самая существенная проблема – отсутствие делателей. Кадры уходят из-за отсутствия нормальной оплаты труда и тоталитарного менеджмента. Система работает на неофитах, пока они не обретут потребность в зарплате. То есть постоянно идет перезапуск системы с нуля: старые ушли и новые все начинают заново. Не построено тиражируемой общецерковной системы работы с детьми. Почему не построено – ответ очевиден: Церковь не хочет её оплачивать. Здесь действует принцип "во славу Божию": есть энтузиаст – ну пусть он работает, мешать не будем. Нет энтузиаста, не может он прожить, питаюсь просфорками – ну что ж, нет так нет... Получается следующая вещь: Церковь оказывается реально не заинтересованной в детской социальной работе, и последняя подменяется ужасиками и страшилками, как плохо всё вокруг... "Нет денег"... на предыдущем Круглом столе, помню, о. Андрей Кураев исчерпывающе высказался по этому поводу. Он сказал: "песню о том, что у Церкви нет денег, я предлагаю забыть". Действительно, на купола и колокола, на обустройство быта деньги находятся, а на детей (как и на многое другое) их нет... Это одна проблема.

Другая проблема следующая. Всё вышесказанное относилось так или иначе к церковным детям, то есть к пастве нашей Церкви. Но Церковь простирает (на словах, по крайней мере) потребность заботиться и решать проблемы детей, к пастве Церкви непосредственно не относящихся. В обществе, в государственных структурах есть люди, которые по долгу службы или велению сердца так или иначе занимаются вопросами реабилитации, организации досуга детей и подростков, выстраивании той или иной системы взаимодействия власти, общества и той социальной группы населения, о которой мы сегодня говорим. С точки зрения Церкви в такой деятельности могут быть и ошибки – как действительные, так и мнимые. И тут встаёт вопрос: насколько может простираться компетенция Церкви в обличении этих ошибок и как именно нужно их обличать? Ведь когда мы обращаемся не к сознательным православным христианам, не к нашей пастве, а к людям внешним, восприятие наших обличительных слов совершенно иное.

В наше время недостаточно просто принадлежать к Православию и только лишь на этом основании обличать или что-то требовать от других. Сегодня нужно делами доказывать достоинство своего исповедания и соответствовать ему. Люди внешние прекрасно видят положение дел – системной детской и подростковой социальной и реабилитационной работы в церковной жизни нет, нет желания у Церкви тратиться на это. Но есть опыт, используемый или пытающийся использоваться упомянутыми мною общественными деятелями. Этот опыт по преимуществу западный. Вместо того, чтобы разобраться в нём,

совместно сотрудничать с обществом и властью, использовать всё положительное в этом опыте, Церковь немедленно набрасывается на деятелей в этой области и их идеи, объявляя последние, порой совершенно голословно, глобалистскими, покушающимися на устои, сатанинскими, а первых – агентами "влияния", "изменения" и прочими интересными и своеобразными терминами. Безусловно, от ошибок никто не застрахован, но гораздо конструктивнее реально объединяться и делать общее дело, в процессе чего ошибки и исправятся. Мы идём другим путём – нагнетания мракобесия и обскурантизма, отталкивая тем самым от Церкви желающих сотрудничать с нею людей. Пример – АА. Прекрасная реабилитационная программа, показавшая на деле свою и успешность, и непротиворечивость Православию, объявляется чуть ли не сайентологической сектой... То же – вопросы ювенальной юстиции, которых сегодня мы коснёмся.

Нужно отчётливо осознавать: мы не имеем никакого права ничего диктовать внешним людям. Авторитетом для мира сейчас являются не обличения, а дела. Если бы у нас была, скажем, альтернативная всецерковная система реабилитации или социальной адаптации детей – тогда да, исходя из дел, мы могли бы предложить обществу свой опыт, лучше и успешнее западного или какого-либо ещё. Но так как этого ничего нет, наши слова обесцениваются и служат к дискредитации Церкви. Да и вообще, здесь вопрос шире и глубже, речь идёт именно о Церкви. Не "схлопываемся" ли мы в гетто, злобно огрызаясь на всё, что происходит вокруг – или видим во всём задание Божие к раскрытию сути и красоты Церкви, которая всегда творчески осмысляла и пользовалась современностью – средой, социумом, культурой – на благо людей. Пока наша церковная жизнь показывает, что мы больше склонны к первому.

Сегодня здесь собрались компетентные и заинтересованные люди. Давайте обсудим все эти проблемы, поделимся накопленным опытом, рассмотрим разные подходы к решению актуальных вопросов, связанных с детьми и молодёжью – чтобы точнее определить место и роль Церкви в общем процессе сохранения и воспитания подрастающего поколения, и чтобы, наконец, началась реальная сотрудническая работа Церкви и общества, а не только слова о том, как дороги нам наши дети.